

Отзыв официального оппонента

на диссертацию Мартьянова Виктора Сергеевича на тему «**ИСТОРИЧЕСКОЕ СТАНОВЛЕНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО НАРРАТИВА МОДЕРНА**», представленную на соискание ученой степени доктора политических наук по специальности 5.5.1 – История и теория политики.

Исследование коллеги Мартьянова относится к чрезвычайно редкому в современном мире жанру «суммы». У нас были *Summa Theologiæ* (даже две – свв. Фомы Аквинского и Альберта Великого), *Summa contra Gentiles* (того же Аквината), *Summa Logiæ* Уильяма Оккама, из относительно недавних примеров – *Summa Technologiæ* Станислава Лема. Теперь у нас есть *Summa Moderni*.

Это амбициозное, даже дерзкое предприятие. Во-первых, потому, что «неизвестно, кто первый открыл воду, но уж наверняка это сделали не рыбы» (бр. Стругацкие). А труд коллеги Мартьянова создан именно изнутри Модерна – так как его больше неоткуда было создавать. Модерн не завершен, не закрыт, не преодолен и не снят (что явственно следует из обсуждаемого текста). А значит, чтобы представить феномен во всей его полноте, потребовалось недюжинное усилие, сродни тому, которое совершает летучая рыба, выпрыгивая из воды – а потом все равно в нее возвращаясь. Такое усилие было сделано. Каждый абзац, каждый пассаж выдает то предельное интеллектуальное напряжение, которое потребовалось автору для этого движения выхода из жестко фреймирующего контекста современности. Обратное погружение в него неизбежно, но не приводит к восстановлению *status quo ante* – увиденное извне не забывается. Читатель, который последует за автором в этом увлекательном приключении ума и духа, уже никогда не будет прежним.

Во-вторых, потому, что сами «воды Модерна» – особенные. Они находятся в постоянном бурном движении, здесь не бывает штилей, в них невозможно зафиксировать сколь угодно стабильные структуры. Это та самая «текущая современность», о которой говорил Зигмунт Бауман. Коллега Мартьянов, между прочим, считает взгляд Баумана устаревшим, заявляя, что «поздний Модерн теряет качества текучести» (С.99) и обосновывая свое утверждение тем, что «политический порядок позднего Модерна обретает новый баланс коллективных интересов, возможностей и ресурсов, который иерархически выстраивается в современных обществах на альтернативных рыночным и демократическим метафорам основаниях» (Там же). Но в том-то и дело, что само исследование коллеги Мартьянова – и его содержание, и факт его появления, и тот актуальный событийный фон, который ему сопутствует и на котором оно воспринимается, – свидетельствует об обратном. Вообще-то течет и меняется все; но Модерн – быстрее и интенсивнее любых других известных общественных состояний и жизненных миров. То, что и в этом кипящем водовороте коллега Мартьянов не опускает руки, но сохраняет способность к ориентации в пространстве и прокладыванию путей, ведущих дальше, – еще одна причина считать сделанную им работу интеллектуальным подвигом.

И подвиг состоялся: *Summa Moderni* возникла. Именно *Summa*; трудно назвать хоть один аспект явления Модерна и способов говорения о нем, который ускользнул бы от внимания автора. Вряд ли имеет смысл в рамках отзыва перечислять все сюжеты, разобранные коллегой Мартьяновым, и все тонкие, пронизательные наблюдения, сделанные им в процессе разбора (всякий раз представляющего собой цикл деконструкции и реконструкции). Достаточно прочесть оглавление – все данные в нем обещания исполнены, все это в книге действительно есть. Главное достоинство работы – не в том, как анализируется каждый сюжет по отдельности, а в уникальной авторской оптике, обеспечивающей возможность тонкой фокусировки зрения на различных слоях той или иной проблемы, от наружных к внутренним, от более очевидных к менее очевидным, с нарастающей по мере необходимости глубиной детализации. Соответственно, каждый читатель этого труда может найти в нем свое – то, что соответствует его персональному интересу и запросу.

Сказанное не значит, что исследование коллеги Мартьянова совершенно. Summa – не догма, она не герметична, она открыта для дискуссии. Более того, в том, чтобы открыть дискуссию, и состоит ее назначение. Далее я перехожу к тем сомнениям, которые у меня вызвала Summa Moderni. Это не опровержение и даже не вполне критика; это указание на те элементы возведенной автором конструкции, которые, на мой взгляд, стоило бы дополнительно укрепить. При этом я понимаю, что характеристические особенности предмета исследования неизбежно отпечатываются и в самом исследовании; мои сомнения большей частью связаны именно с тем, что в тексте о Модерне походит на сам Модерн – зыбкий, ускользающий, протейский. Пожалуй, слишком походит.

Первая их группа относится к категориальному аппарату. Я полагаю, что его полезно было бы сделать более однозначным, менее амбивалентным, менее «текучим», если угодно. Так, едва ли не ключевым инструментом для коллеги Мартьянова является понятие «нарратив». Первое вхождение слова, не считая заглавия, встречается на С.4; первое определение – на С.32: «динамическая совокупность ценностей, понятий, идей». Другие определения в основном когерентны этому: «способ репрезентации... общества» (Там же), «повествование или рассказ с относительно вариативной структурой изложения и структурирования» (С.38). Предположим; звучит вполне конвенционально. Но далее мы обнаруживаем совсем другое обращение с категорией, присваивающее нарративу качество субъектности или даже акторности. Например: «господствующий в обществе нарратив неизменно заинтересован в сохранении имеющегося политико-экономического порядка и приостановке принципиального социального реформирования и экспериментирования» (С.94). То есть «динамическая совокупность ценностей, понятий, идей», она же «способ репрезентации... общества», она же «повествование или рассказ», способна над самим этим обществом (видимо, многими обществами) не только «господствовать», но и иметь собственные «интересы»? Как явно спекулятивной, умозрительной конструкции это удастся? То есть можно и так; о «власти нарратива» или, скажем, дискурса сказано немало. Но в любом случае полезно было бы эксплицитно сформулировать понимание столь важного для автора термина и далее использовать его единообразно.

Другой пример. Коллега Мартьянов весьма часто использует понятие «центр» и его производные, что закономерно и полностью оправдано – эта пространственная метафора относится к числу наиболее употребительных в социальных науках и вообще в любой рефлексии относительно устройства человеческих обществ. И не случайно: по утверждению Пьера Бурдьё, «социальное пространство как таковое предрасположено к тому, чтобы позволять видеть себя в форме пространственных схем, а повсеместно используемый для разговоров о социальном пространстве язык изобилует метафорами, заимствованными из физического пространства» (почему социальное пространство здесь тоже наделяется субъектностью, вопрос отдельный). Но коллега Мартьянов идет дальше. Начиная со С.44, он регулярно говорит о «центральной ценностной» и «центральной институциональной» системах. Это уже не метафора, а вполне конкретная, операциональная концептуализация, созданная Эдвардом Шилзом и в деталях проработанная как им самим, так и его последователями. Коллега Мартьянов, разумеется, знаком с воззрениями Шилза; однако первая ссылка на американского классика появляется только на С.106, и то не на какую-либо из его основных работ, а на русский перевод небольшого фрагмента 1968 г., опубликованный в СССР аж в 1972 г. В результате то, как коллега Мартьянов обращается с шилзовской терминологией, довольно далеко отстоит от первоисточника. Так, на той же С.44 говорится о «центральной ценностной системе *политического нарратива* Модерна», а на С.56 – о «центральной институциональной системе *общества* Модерна» (курсив мой – С.К.). Для Шилза обе центральные системы были атрибутами обществ и только обществ, никак не нарративов (да и само это слово не входило в его лексикон). Можно считать нарратив единственным интеллигибельным свойством общества; можно считать, что общество функционирует прежде всего как нарратив; можно считать, что применительно к обществу/нарративу Модерна это особенно верно; тут дело методологиче-

ского выбора, и коллега Мартьянов, похоже, близок к такой позиции, хотя в цитированных выше определениях нарратив с обществом *per se* все же не отождествляется. В любом случае слова «нарратив» и «общество» не являются эквивалентно взаимозаменяемыми, тем более по умолчанию, произвольно и без специальных обоснований. А их не хватает; что же касается Шилза, то от его модели в таком случае следовало бы эксплицитно дистанцироваться.

Отсюда удобно перейти ко второй группе сомнений. Время от времени (нечасто, но чаще, чем хочется) суждения коллеги Мартьянова, особенно обобщающие, чрезмерно размашисты и не выдерживают проверки на прочность при столкновении с фактами. Так, сказано: «В современных обществах центр всегда расколот и неявен, являясь предметом постоянной дискуссии или торга» (С.82). Так-таки всегда и во всех? Тогда придется вычеркнуть из списка современных обществ тоталитарные или близкие к тому режимы, дискуссий и торга никак не допускавшие (нацистский, советский и китайский, особенно времен апогея двух последних, достигнутого при Сталине и Мао соответственно, полпотовскую Кампучию, Северную Корею и т.п.), несмотря на то что все они являются продуктами Модерна и только Модерна, а отнюдь не какой-то досовременной архаики. Впрочем, в другом месте заявляется: «Нарратив Модерна как довольно гибкий социальный конструктор современности может обойтись в разных своих версиях без многих элементов, даже явного капитализма (СССР) или либеральной демократии (Китай)» (С.174). Если так, то, что, собственно, является твердым идентификатором современного общества? При том что «исторически нарратив Модерна являлся способом сгладить моральный кризис христианства в основе традиционного общества в условиях масштабирования капиталистической миросистемы» (С.20)? При том что «с одной стороны, теории модернизации и демократического/рыночного транзита, с другой – цивилизационный дискурс о непреодолимости культурных различий и колее традиций, выступают лишь вынужденными паллиативами классовых идеологий в ситуации ослабления и шизофренизации привычных политических субъектов Модерна» (С.89) – то есть демократия и капитализм все-таки в списке таких идентификаторов делят (и заслуженно) первое место?

Другой пример. «Организовав центральную ценностную систему европейской цивилизации, христианство не смогло объединить земные, т.е. политические интересы. Трансцендентный легитимирующий центр не получил эффективного институционального воплощения, которое могло быть представлено только в форме теократического государства» (С.105). Но как быть с тем, что к «объединению земных, т.е. политических интересов» христианство (в лице своего основателя и самих христиан) и не стремилось. Как быть со словами о «Царстве Моем не от мира сего», с призывом отдавать Кесарю только кесарево и ничего кроме, с двумя Градами? С тем дуализмом несводимых друг к другу Царства и Церкви, который, выражаясь по-шилзовски, прямо предписывается христианской центральной ценностной системой, потребовавшей, в отличие от всех прочих известных случаев, образования не одной, а двух центральных институциональных систем, политики и еkkлeсии? Почему «эффективное институциональное воплощение» христианства «могло быть представлено только в форме теократического государства», а не в других вариантах – прежде всего в форме вселенской Церкви? Уж не говоря о том, что само понятие «государство», как мы знаем благодаря Квентину Скиннеру и многим другим авторам, намного моложе христианства – оно рождается в Европе никак не ранее XIV века, а его безоглядное применение к предшествующим историческим контекстам (тем более – приписывание ему универсальности) представляет собой досадный анахронизм.

Или еще. «Соревнование идеологий как светских религий велось в направлении одной цели – поиска способов более эффективного приспособления технологических возможностей капитализма (прогресс, рост потенциальных возможностей человечества) к базовым христианским ценностям, сплачивающим людей в общество» (С.112). Неужели таковы были (и, надо полагать, таковыми остаются) именно все идеологии, включая откровенно антикапиталистические или, скажем, расовые, то есть столь же откровенно антихристианские? А ведь на той же странице совершенно справедливо говорится: «Внутри Европы как родины Модерна

веками производилась выработка принципиальных альтернатив христианским ценностям». Так слишком широкое обобщение немедленно ведет к противоречию.

Впрочем, одного обобщения, наоборот, не хватает. Коллега Мартьянов очень много говорит о Западе вообще и о Европе в особенности. В исследовании Модерна, родиной которого Европа неоспоримо является, иначе и быть не может. О чем говорится намного меньше, реже и всегда мимоходом, так это о Соединенных Штатах Америки. Такое «слепое пятно» становится причиной появления поистине странных утверждений; например такого: «результаты реализации проекта Модерна за пределами Европы оказались гораздо менее успешными и двойственными» (С.121). Американская версия Модерна тоже малоуспешна? Как это согласуется с тем фактом, что именно США являются безусловным лидером западного мира, более того, именно грандиозное американское могущество наиболее интенсивно проецируется и за его пределы? Интрига становится еще интереснее, если вспомнить о многочисленных отличиях американского общества (и нарратива) Модерна от европейского. Например, о том, что в Америке не было и нет ни социализма на европейский манер (то, что американские правые исправно клеймят своих левых оппонентов как социалистов и даже коммунистов, не должно сбивать с толку – по европейским меркам градус их левизны ничтожен), ни даже секуляризации, которую принято считать чуть ли не важнейшей составляющей как перехода к Модерну, так и его самого. В рамках текста коллеги Мартьянова эта интрига никакого разрешения не находит, оставляя читателя в недоумении.

И последнее сомнение, самое осторожное. «Научные классификации политического нарратива Модерна являются отражением представлений их бенефициаров не только об истинном и неистинном, но и одновременно о правильном и неправильном, благе и зле, и, в конечном счете, о сущем и должном. Поскольку классификации создаются субъектами, находящимися внутри общества, а потому не способными его полностью объективировать в субъект-объектной парадигме, то они всегда являются заведомо неполными и ангажированными» (С.351). Подобное высказывание было бы тривиальным, если бы коллега Мартьянов попытался трусливо уклониться (что на самом деле невозможно) от того, чтобы прямо предъявить свои собственные представления «о правильном и неправильном, благе и зле, и, в конечном счете, о сущем и должном». Но он, со всем мужеством и ответственностью настоящего ученого, это делает. Они – конспективно – таковы.

«Проект достройки мироэкономики до мирополитики» (С.435). «Империя как механизм реинтеграции политических пространств может переиграть современные нации-государства, только если предложит более универсальные и прозрачные культурные, этические и экономические правила игры, нежели имеющиеся. В инструментальной перспективе империя как интегрирующая форма политического представляется реальной альтернативой постоянно дробящимся нациям-государствам, чьи базовые признаки Модерна основаны на системах множачихся различий и конфликтов, а не тождеств, характерных для эпохи классического Модерна как расширения универсальных пространств» (С.436). «Замысел космополитической эгалитарной утопии» (С.441). Именно утопии, иначе и быть не могло – ведь коллега Мартьянов, будучи одним из крупнейших левых мыслителей современной России, уверен: «возврат реальной политической субъектности большинства может быть связан с воскрешением в политическом нарративе Модерна... утопического дискурса» (С.263); «новый путь предполагает создание утопии как проекта, предоставляющего наибольшему числу людей наибольшие возможности (С.289–290); «историю движут общественные идеалы, заключенные в утопиях... отказ от утопий есть отказ общества от собственных возможностей (С.437); «человечество не может жить без новых политических утопий (С.454). Утопии действительно можно воспринимать как источник надежды (хотя можно относиться к ним и гораздо более скептически, как, признаюсь, отношусь к ним я, принадлежа к совсем другому сегменту политического и идеологического спектра). Но тогда необходима более развернутая и более убедительная аргументация в пользу самой возможности той утопии, контуры которой набрасывает коллега Мартьянов. «Космополитическая эгалитарная»... империя? Имперская политическая форма подразумевает не просто наличие центра и периферии, что само по себе

есть неравенство, обеспечивающее ту «разность потенциалов», которая и является движущей силой социальных изменений (хоть к лучшему, хоть к худшему – любых) – это-то относится к любым политическим формам, все они так или иначе центрированы. Но в империи центр насыщен, напряжен, выделен (и тем самым отделен от периферии) в чрезвычайной, экстремальной степени – потому что именно он функционирует как канал трансцендирования политического, самоё имперскую политическую форму легитимирующий и поддерживающий. Космополитическая империя вполне представима (собственно, подлинны империи начиная с Рима таковыми и были). Эгалитарная империя – оксюморон, *contradictio in adjecto*. И даже если каким-то образом удастся преодолеть это затруднение (как, не могу вообразить), то останется еще одно, самым же коллегой Мартьяновым беспощадно сформулированное: «В глобальной дискуссии по поводу политических ценностей априори более сильны позиции тех игроков, которые могут предложить человечеству предельно эгалитарные, универсальные варианты решений всеобщих проблем. Варианты, исходящие из долгосрочных интересов всего человечества, дающие как можно большему числу людей больший спектр возможностей вместо выгоды отдельных меньшинств, классов, наций, регионов мира и блоков государств. Подобная логика не несет прямые и ощутимые дивиденды субъектам и обществам, которые ее иницируют» (С.27). Это приговор. То, что никому не нужно, причем именно в виде «прямых и ощутимых дивидендов», не имеет шансов осуществиться.

А теперь главное. Перечисленные мной слабые (точнее, недостаточно сильные) малые элементы большого рассуждения коллеги Мартьянова легко исправимы. Все это время я удерживался от того, чтобы назвать его книгой. Но это, конечно, книга, и одна из важнейших книг, написанных по-русски и в России в последние годы. Я горячо надеюсь, что вскоре она выйдет в свет. Я горжусь, что стал одним из первых ее читателей. Я абсолютно уверен, что сделанная, состоявшаяся работа значительно превосходит обычный для докторских диссертаций уровень. Я рекомендую ее к защите, а коллегу Мартьянова – к присуждению докторской степени безусловно и безоговорочно.

Автореферат соответствует содержанию диссертации.

Диссертационное исследование Мартьянова Виктора Сергеевича «ИСТОРИЧЕСКОЕ СТАНОВЛЕНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО НАРРАТИВА МОДЕРНА», представленное на соискание ученой степени доктора политических наук по специальности 5.5.1 – История и теория политики, полностью соответствует требованиям ВАК РФ, пунктам 9-14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени доктора политических наук.

Отзыв направлен в диссертационный совет 24.1.143.05, функционирующий на базе федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт философии Российской академии наук» (г. Москва).

Профессор департамента политики и управления Факультета социальных наук НИУ ВШЭ, главный редактор журнала политической философии и социологии политики «Полития»

С.И.Каспэ

20.08.2023 г.

СПЕЦИАЛИСТ ПО
КАДРОВОМУ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВУ
УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛА
СОБОЛЕВА Е.Ю.

06.08.2023

Подпись заверяю